

ВЕРА КОНДРАШИНА
Звенигородский историко-архитектурный
и художественный музей, Звенигород, Россия

ДЕШИФРОВКА КРИПТОГРАФИЧЕСКОГО ПИСЬМА НА БОЛЬШОМ БЛАГОВЕСТНОМ КОЛОКОЛЕ САВВИНО-СТОРОЖЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Ключевые слова: большой Благовестный колокол Саввино-Сторожевского монастыря, криптографическая надпись, расшифровка тайнописи

В кампанологии давно проснулся интерес к тайнописи, составленной царем Алексеем Михайловичем для двух Благовестников звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом. Если одна надпись, предназначенная для колокола 1652–1653 годов, сохранилась лишь в бумагах царя в приказе Тайных дел¹, то другая была помещена на 35-тонном Благовестнике, отлитом в 1667–1668 годах государевым пушечным и колокольным мастером Александром Григорьевым. Этот колокол, погибший в период немецкого наступления на Москву в 1941 году, был признан одним из самых благозвучных в мировой колокололитейной практике. В музейных собраниях есть несколько его фрагментов с тайным письмом. Статья посвящена рассмотрению дешифровки криптографической надписи в историко-культурном контексте, в хронологической последовательности, с привлечением не введенных ранее в научный оборот источников.

Первый этап дешифровки колокольной надписи пришелся на век просвещенного абсолютизма Екатерины II и деятельности выдающегося церковного иерарха митрополита Платона. Особое значение в истории изучения тайнописи имели снятые с нее копии. Самую раннюю копию нам удалось обнаружить в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки². Ценность ее заключается в том, что она восполнила лауну в истории изучения тайнописи и стала точкой отсчета в этом процессе. Таким образом, мы узнали, что криптографическая надпись звенигородского колокола впервые была скопирована 26 ноября 1776 года наместником Саввинского монастыря иеромонахом Иеронимом. Выходец из малороссийских дворян, Иероним Загоровский (1741–1804), получил образование

1 Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Фонд 27, Приказ Тайных дел., Опись 1, Д. 76.

2 Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), Фонд 218, Картон 749, Ед. хр. 20.

в Киевской академии, принял монашество в Киево-Печерской лавре, где с 1770 года состоял проповедником. По земельным делам Лавры он оказался в Москве, где был замечен митрополитом. Именно Платон стал инициатором расшифровки тайнописи на колоколе Саввино-Сторожевского монастыря. Обители он оказывал особое покровительство, намереваясь открыть в ней духовную семинарию, а иеромонаха Иеронима (управлял монастырем с мая 1775 по 28 марта 1779 г.) сделать ее префектом. В 1775 года Платон приветствовал в монастыре императрицу Екатерину II, обсудив с государыней не только открытие духовного учебного заведения, но и грандиозный проект перестройки монастыря в духе европейского классицизма, порученный французскому архитектору на русской службе Николаю Леграну.

К изучению тайнописи монастырского колокола, по инициативе митрополита Платона, был привлечен историограф и государственный советник Герхард Фридрих Миллер, получивший указание сверить текст Иеронима с надписью на колоколе. В июле 1778 г. он посетил Можайск, Рузу и Звенигород, что отражено в его знаменитых „портфелях”³ Историограф лично встречался с наместником Иеронимом, а также, поднявшись на звонницу, сверил копии и оттиски тайнописи с ее оригиналом. Свой отчет он отправил для публикации в Академию наук в Санкт-Петербург.

В 1781 году указом Императрицы Екатерины II Звенигороду был дан герб, представлявший собой щит, разделенный на две части: верхнюю – Московский герб (Георгий Победоносец) и нижнюю, где в голубом поле был изображен Большой Благовестный колокол Саввино-Сторожевского монастыря. В описании герба было отмечено, что колокол вылит из меди и подписан по краю „неизвестными ныне литерами”⁴.

Через три года в петербургском академическом журнале⁵ появилась посвященная колоколу публикация на немецком языке библиотекаря Академии наук Бакмейстера. Он же снял начертания букв и выгравировал небольшое число экземпляров надписи (таким образом, она стала доступна читателям для изучения). Бакмейстер сравнивал звенигородский и знаменитый колокол в Эрфурте, утверждая, что звенигородский вдвое тяжелей. Исследователь сообщил также, что в ту пору никто не в состоянии был ни расшифровать, ни прокомментировать нижних строк колокольной надписи.

В эпоху Наполеоновских войн, Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов в обществе проснулся особый интерес к отечественным древностям и неразгаданной тайнописи Большого колокола. Центром ее изучения становится так называемый „Румянцевский кружок”. В этот период значительные усилия в дешифровке были предприняты Константином Федоровичем Калайдовичем. Он был не только историком и палеографом, но и замечательным филологом. Одним из первых он исследовал звуковую строй, грамматическую систему и лексику белорусского языка,

3 Российский государственный архив древних актов (РГАДА.), Фонд 199. Г.Ф. Миллер, Опись 1, Д. 362. Опись 2. Д.783.

4 В. А. Кондрашина, *Герб Звенигорода и Большой Благовестный колокол Саввино-Сторожевского монастыря*, Звенигород 2002.

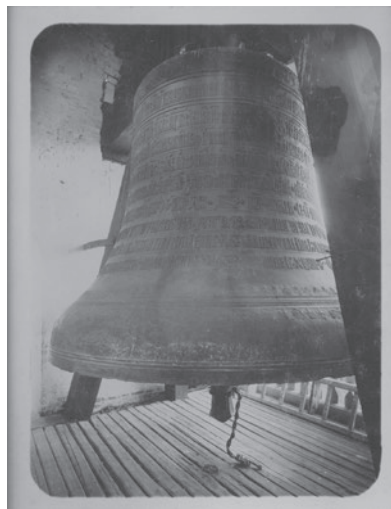
5 Russisch Bibliothek zur Kenntnis des gegenwertigen Zustandes des Literatur in Russland. В.IX. Stuck I–III. 1784, с. 210.

став автором краткого словаря и лингвистического исследования *О белорусском наречии*⁶.

В августе 1809 года Калайдович посетил монастырь и сделал свой список с тайнописи, а в 1811 году в журнале „Русский вестник”⁷ опубликовал статью, отметив, что часть надписи, помимо 6 верхних строк чистого и хорошего русского письма, начертана письмом неизвестным, дав его характеристику. Он отмечал, что тайнопись состоит из букв, похожих на греческие и латинские, „более или менее изуродованные”, а также литер, заимствованных из других языков и иероглифических знаков. Часть последней строки написана славянскими буквами, весьма мало искаженными, „которых смысла никаким образом узнать не можно”⁸ Далее приведем текст Константина Федоровича:

Сей колокол более прочих и висит посреди колокольни, в него звонят по большим праздникам; он отлит чисто из обыкновенной колокольной меди, и по приличию в некоторых местах изображены на нем герб Российский орел и другие фигуры. Вокруг колокола начертаны две надписи: первая сверху, в 6 строках состоящая, изображена чистым и хорошим русским письмом, из которой видно, что сей колокол слит повелением царя Алексея Михайловича в 1667 г. 25 сентября, и что в нем весу 2125 пуд и 10 гривенок. А вторая снизу, в трех строках состоящая, начертана также чистыми, но совсем неизвестными письменами. Славные мужи Миллер и Бакмейстер давно обратили на нее внимание [...] Засим известными буквами внизу изображено по-русски: лил мастер Александр Григорьев. Сего мастера известен нам другой колокол, находящийся в Симоновом московском монастыре, весом в 300 пуд, слитый в 1665 г., из надписи которого видно, что Александр Григорьев был государевым мастером.

Калайдович предлагал разобрать тайнопись стенографическим способом, не сомневаясь, что она имела смысл, а не была просто шуткой колокольного мастера, как считал его оппонент, некто Саларев. Продолжить исследование Калайдовичу помешала „Гроза двенадцатого года”. Он вступил в Московское ополчение. Московский

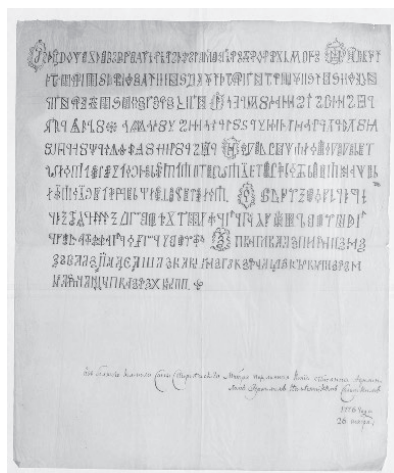

Большой Благовестный колокол Саввино-Сторожевского монастыря. Дар монастырю царя Алексея Михайловича. Колокол отлит в 1667–1668 гг. государевым пушечным и колокольным мастером Александром Григорьевым. Погиб в 1941 г. Фотография П.К. Остроумова (Москва). Конец XIX в. Из собрания галереи „Феофания”

6 К. Ф. Калайдович, *О белорусском наречии*, [в:] *Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете*, ч. 1, Москва 1822.

7 К. Ф. Калайдович, *Исторические замечания о древности Звенигорода и надписи в Саввинском Сторожевском монастыре*, „Русский вестник” на 1811-й год, ч. XIV (4), 1811, с. 103–115.

8 Ibidem.

Копия криптографической надписи на Большом Благовестном колоколе Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом, снятая 26 ноября 1776 года иеромонахом оным. РГБ. Ф.218. К.749. Ед.хр.20

дом Калайдовичей вместе с богатейшей библиотекой сгорел в пожаре 1812 года.

В послевоенные годы Калайдович близко сошелся с вице-канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым, основателем знаменитого древлехранилища – Румянцевского музея и библиотеки, и историком Николаем Михайловичем Карамзиным, бывавшим в Звенигороде и интересовавшимся звенигородской историей. Граф Румянцев в 1817 году финансировал экспедицию К. Ф. Калайдовича и сотрудника Московского архива МИД П.М. Строева в подмосковные монастыри. Основная работа была проведена Павлом Михайловичем Строевым. Не без иронии Калайдович отмечал, что его друг и коллега был одновременно начальником, секретарем и писарем этой экспедиции⁹. От архивов Саввинского монастыря канцлер ожидал многого. Условием их изучения была полная конфиденциальность. В итоге граф Румянцев оправил П. М. Строеву благодарственное письмо, отметив, что тот в полной мере оправдал его доверие. Однако, Калайдович полагал, что звенигородские разыскания оказались бесплодными, и сетовал, что его коллега не снял вернейшим способом колокольную надпись, поскольку все три существовавшие списка, в том числе и его собственный, по его словам, никуда не годились¹⁰.

Криптографическая надпись на звенигородском колоколе была дешифрована только в 1822 году, спустя 45 лет после снятия с нее первой копии архимандритом Иеронимом. Открытие совсем в духе времени – в сентябре того же 1822 года французский востоковед, основатель египтологии Жак-Франсуа Шампольон (1790–1832) завершил дешифровку египетской иероглифической письменности. Удивительное совпадение – тем же 1822 годом датировано единственное посвященное Саввино-Сторожевскому монастырю стихотворение Александра Сергеевича Пушкина: „На тихих берегах Москвы/ Церквей, венчанные крестами./ Сияют ветхие главы/над монастырскими стенами./ Кругом простерлись по холмам/вовек не рубленые рощи,–/ Издавна почивают там/ Угодника святые мощи”. Большую часть загадки колокольной надписи удалось разгадать дилетанту – штаб-ротмистру Михаилу Сергеевичу Скуридину¹¹. Правда, большую литературу он любил и хорошо знал. В 1819–1820 годах Скуридин общался с молодым Пушкиным в Петербурге в доме Всеволожского („Зеленая лампа”), куда

9 К. Ф. Калайдович, *Письма къ Строеву П. М. 1817–1818 гг.* Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), Фонд 291, Папка 2249, Ед. хр.19.

10 Н. Барсуков, *Жизнь и труды П.М. Строева*, Санктпетербург 1878, с. 36.

11 И. И. Срезневский, *Замѣчания о русскомъ тайнописаніи*, Санктпетербург 1871, с. 6.

ввели его армейские сослуживцы. Он был подписчиком многих литературных журналов, состоял в переписке с поэтом Василием Андреевичем Жуковским, сам печатался в „Северной пчеле”. Нам посчастливилось найти сведения о Скуридине в рукописном отделе Российской государственной библиотеки, где хранятся письма его к Гоголю, стиль и язык которых свидетельствуют о ярком литературном таланте профессионального военного. В письме его к Н. В. Гоголю от 25 июля 1850 г. читаем:

Черкнуть Вам, Николай Васильевич, только стоило мне словечко доброе, а мне очима своим такую благодать узрети и – стало на душе светлее. Что это за диковина: вот так и тянет к благочестивому. А сам грешен окаанный и неисправимый? [...] Да отчего же душою к Вам влекусь? Кто объяснит эту несообразность? Не я. Разве Вы. Ученым и книги в руки. Я ж пока твержу с Шекспиром: много есть в мире такого, что и не снилось нашим мудрецам...
Может быть на смертном одре, если не разом скосит, очнусь и я, прозрю и повторю слова умирающего Великого Петра: верую, Господи, помози моему неверию...
Мне сдается, так нас и судить будут: вас, ясновидящих – строго; меня, слепорожденного – милосердо... В народе ходит молва, что Вы и 2-ю часть мертвых душ кончили. Нетерпеливо ждут выпуска в свет... Потешьте, душенька: повернитесь попроворнее...Спростевайте! Храни Вас Бог. Как Вы приедете в Питер, по обещанию Вашему, с мертвыми душами, и окажется, что уже и моя душа мертва, то помяните меня словами скропанной мною для себя эпитафии: Повесой жил, повесой умер: он из повес был первый номер¹².

Несмотря известный ныне полный послужной список штаб-ротмистра, Скуридин и по сей день остается фигурой загадочной. Он разобрал 2-ю, 3-ю, 4-ю и 5-ю строки тайного письма, а его командир – генерал-лейтенант князь Павел Петрович Лопухин дешифровал шестую строку. Важно отметить, что оба они были участниками Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов, и отличились во многих сражениях.

Первая строка тайнописи была дешифрована хранителем рукописей Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге Александром Ивановичем Ермолаевым (1780–1828), который занимался как теорией, так и историей тайнописи¹³. Ранняя смерть не позволила ему завершить сохранившееся в Национальной библиотеке (СПб) исследование о криптографических надписях, которое открывается примерами из Библии. Чрезвычайно ценным был его собственноручный список, поскольку, помимо занятий археографией и археологией, он был профессиональным художником, обучавшимся в Императорской Академии художеств. Ермолаев входил в Румянцевский кружок. Он много путешествовал, собрав немало древних рукописей. Именно в опубликованном письме Ермолаева коллеге Александру Христофоровичу Востокову от 26 января 1822 года сообщался факт дешифровки колокольной надписи М. Скуридиным, князем П. Лопухиным и им самим¹⁴.

12 НИОР РГБ, Фонд 74, Картон 8, Ед. хр. 63, л. 1–3.

13 Российская Национальная библиотека, Фонд 1381; А. И. Ермолаев, Ед. хр. 18 [Тайнописание]. Статья [не окончена], Автограф. [1810-е], 4 л., Ед. хр. 19. [Тайнописание], Материалы к работе, Автограф., Б.д., 24 л.

14 Письмо опубликовано в кн. И. И. Срезневский, *Замѣчания...*, с. 6.

При этом Ермолаев отмечал наличие в тайнописи 6 самостоятельных строк, каждой – со своим ключом, которые при литье заняли три строки на поверхности колокола. Ермолаев чрезвычайно высоко оценил криптографическую надпись на монастырском колоколе, и определили ее как творение царя Алексея Михайловича. Он первым задался вопросом о том, что побудило царя к ее употреблению. Предположил, что видимая всем, она могла быть как средством против колдовства и чародейства, так и личной молитвой „раба Христова царя Алексея”.

Самое важное в тексте расшифрованной надписи – посвящение царем Алексеем Михайловичем своего подарка колокола-гиганта Благовестника своей любимой резиденции Саввино-Сторожевскому монастырю, по словам царя, „от любви своея душевныя и от сердечного желания”.

Наконец, приведем полный текст расшифрованной тайнописи:

Изволением Преплагаго и Прещедраго Бога нашего, и заступлением милостивыя заступницы Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, и за молитв отца нашего и милостиваго заступника преподобнаго Саввы чудотворца, и по обещанию, и по велению раба Христова царя Алексия, и от любви своея душевныя и от сердечнаго желания, слит сей колокол в дом Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея Рождества и великаго и преподобнаго отца нашего Саввы чудотворца, что в Звенигороде нарицаемый Сторожевский¹⁵.

SUMMARY

Vera Kondrashina

Deciphering of the Cryptographic Letter on The Big Noble Bell of The Savvino-Storozhevsky Monastery of the Mid – 17th-century in Historical-Cultural Context

Key words: the Big Noble Bell of the Savvino-Storozhevsky Monastery, cryptographic message, deciphering of a secret code

The report illustrates the history of deciphering of the message cast on an epic artefact – the Big Noble Bell of the Savvino – Storozhevsky Monastery in 1667–1668. Through introduction of the earliest secret code into the scientific language the author bridged the gap in the history of cryptography. Review of the material in the historical and cultural context enables the author to talk about a few key milestones in deciphering secret code, its relation to Rummyantsevsky club, one of the founders of the Belarusian philology by K. F. Kalaidovich.

¹⁵ С. Смирнов, *Историческое описание Саввина Сторожевскаго монастыря*, Изд. второе исп. и доп. Москва 1860. Репринтное издание. Издательский отдел Саввино-Сторожевского ставропигиального мужского монастыря, 2007, с. 50.